

§ 10 ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО

Скиперских А.В.

«БУНТУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК» В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ: НОВАЯ ПОПЫТКА ОПРАВДАНИЯ

Аннотация: Присутствие в политико-правовом дискурсе проблемы «бунтующего человека» является свидетельством постоянного стремления человека к расширению своих гражданских прав и свобод. Степень данных свобод находится в прямой зависимости от дефиниции политического режима и существующей системы права, как располагающей человека к расширению свобод, так и выступающей некоей репрессией, сужающей права и свободы человека. "Бунтующий человек" рассматривается в по-разному в различных правовых дискурсах, что говорит о существующей разнице в восприятии темы свободы, восходящей к различиям культурных, политических и правовых традиций. В данной статье осуществляется анализ политических и правовых текстов, что объясняет выбор в пользу герменевтического метода. Проблема сходства и различия культур, определяющих правовой дискурс "бунтующего человека", актуализирует использование в статье феноменологического метода. Сопоставление различного протестного опыта и репрессивного институционального пейзажа "бунтующего человека" обусловили сравнительную перспективу данной работы, что предполагало обращение к сравнительному методу. Автор склонен считать, что образ "бунтующего человека", а также право самого общества на свободу и выражение протеста по-разному легитимируется той или иной культурной традицией, что не замедляет сказываться на размерах его прав и свобод, определённых им правовым дискурсом. Формирование особой предрасположенности к бунту, его технологии и эстетике всецело зависит от дефиниции политического режима, формулирующего специфические требования к формату свободы в рамках правового дискурса.

Ключевые слова: Бунт, бунтующий человек, власть, закон, культура, общество, политический протест, правовой дискурс, свобода, сопротивление.

Abstract: Existence of the problem of "the protester" within the legal political discourse serves as a proof of a constant human strive towards broadening of their civil rights and liberties. The degree of these liberties directly depends on the definition of the political regime and the existing legal system that motivates a person to broaden their liberties, as well as serving as a form of repression that limits the rights and liberties of a person. "The protester" is viewed differently within various legal discourses, which testifies of the existing difference in perception of the subject of liberty that pertains to the diversity of the cultural, political and legal traditions. The author tends to believe that the image of "the protester", as the society's right to liberty and demonstration of a protest is differently legitimized by one or another cultural tradition, which reflects in the amount of their rights and liberties that are allocated to them by the legal discourse. The forming of a certain tendency for protest, its technologies and aesthetics completely depends on the definition of the political regime that formulates specific requirements for the format of liberty within the framework of legal discourse.

Keywords: Protest, protester, authority, law, culture, society, political protest, legal discourse, liberty, resistance.

В Англии даже последний бедняк полагает, что обладает правом¹.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Необходимость человека в сопротивлении имеет вневременной характер. Сопротивление также связано с человеком, равно, как и сама власть. Сопротивление и власть диалектически соединены, их существование друг без друга лишено смысла. Присутствие

сопротивления (и права на сопротивление) в политическом процессе как некоей константы не может быть оспорено. Сложно оспорить тот факт, что по мере развития

¹ Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 271.

отношений власти и общества постепенно совершенствовалась система предписаний и норм, регулирующих право человека на бунт. Человек, в котором вызревает необходимость высказать своё «нет», рано или поздно оказывается в ситуации, когда ему приходится реализовывать своё право на бунт. Но насколько к этому располагает сам культурный контекст, и могут ли подобные действия субъекта бунта быть популярной практикой?

Безусловно, человек, говорящий «нет», моментально оказывается «схваченным» внимательным исследовательским фокусом².

Проблема «бунтующего человека» и его статус в правовом дискурсе, не является какой-то проблемой. Эта проблема не есть следствие постепенного понимания человеком своих свобод и тяготения к раскрепощению. Эта проблема не связана и с волнами демократизации, постепенно высвобождавшими протестный запас человека, и делавшими его претензию на бунт аргументированной и стройной.

В данной статье представляется чрезвычайно важным рассмотреть саму систему права, определяющую для человека возможные условия его бунта и возмущения существующим политическим порядком вещей. Здесь мы увидим, что на законодательном уровне, в некоторых политических и правовых текстах человек бунтующий определяется и признаётся по-разному. Наша цель заключается в рассмотрении данной рассогласованности культур, оказывающейся определяющей в формировании особой предрасположенности к бунту, его технологии и эстетике.

В европейской правовой традиции попытки концептуализации права на бунт можно увидеть у целого ряда авторов, в исключительных случаях, оставлявших за обществом возможность требовать с власти подотчётности и чёткого следования законам. Во многом это было связано с прогрессивной в период позднего Средневековья теорией общественного договора, согласно которому правитель мог брать на себя гарантии по поддержанию общественного благополучия и порядка. В противном случае, при исключительных, несомненно, вредных для общества практиках, самим обществом мог быть запущен процесс делегитимации правителя, способный привести к его фактическому низложению.

Рассмотрев теоретические построения некоторых авторов, можно заметить, что понимание необходимо-

сти права на бунт и восстания против своего господина нарастало в историческом процессе. Точкой отсчёта в данном смысле можно считать теоретические построения Аристотеля (384-322 до н.э.), отвергавшего перспективы бунта. Правда, вместе с тем, в его «Политике» есть ряд мыслей о сопротивлении в целом, которые могут при определённом усилии интерпретатора быть рассмотрены как некое допущение сопротивления.

«Выражения “рабство” и “раб” употребляются Аристотелем в двояком смысле: бывает раб и рабство и по закону; закон является своего рода соглашением, в силу которого захваченное на войне называют собственностью овладевших им. Это право многие причисляют к противозакониям из тех, что иногда вносят ораторы: было бы ужасно, если бы обладающий большой физической силой человек только потому, что он способен к насилию, смотрел на захваченного путем насилия как на раба и подвластного себе»³, – отмечает Аристотель. Действительно, Аристотель, здесь, описывает ситуацию, периодически возникающую в древнегреческом дискурсе войны и приобретаемой в её результате собственности. Таким образом, возникает сомнение по поводу необходимости подчиняться человеку, оказывающему на другого человека давление с помощью физической силы и требующего от него подчинения исключительно из-за физического, но не интеллектуального доминирования над ним. Кажется, что на данном примере мы видим некоторое сомнение по поводу оправданности подчинения. Сомнения Аристотеля и других философов и мудрецов, к которым он апеллирует в тексте, оставляют после себя характерные многоточия.

В целом, из посылов Аристотеля следует, что одной из самых важных причин возмущения и переворотов выступает неравенство, которое может быть неравенством по количеству и по достоинству⁴. Аристотель выделяет три первопричины возмущения и переворотов – настроения людей, идея (во имя чего происходит переворот) и сами истоки политических смуты и междоусобных распрей⁵.

Достаточно показательно объясняются Аристотелем и истоки распрей, скрывающиеся в «наглости, страхе, превосходстве, презрении, чрезмерном возвышении; с другой стороны – происках, пренебрежительном от-

² Говоря о «бунтующем человеке» – человеке, говорящем «нет», мы используем концепт А. Камю, рассматривавший им в известном труде «Бунтующий человек». См.: Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. Пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990.

³ Аристотель. Сочинения: В 4 т. (пер. С.А. Жебелева) – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 384.

⁴ Следует также отметить, что в тексте «Политики» довольно часто встречаются концепты «возмущение» и «переворот».

⁵ Аристотель. Сочинения: В 4 т. (пер. С.А. Жебелева) – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 529.

ношении, мелких унижениях, несходстве характеров»⁶. Данные свойства человеческого характера изначально выступают некоей претензией на неравенство, и артикулируются впоследствии на другом человеке, сея в нём зёрна возмущения ненависти.

Подобная проблема может быть не только частной. Она может экстраполироваться и на государственную политику. Аристотель предупреждает, что «если находящиеся у власти проявляют наглость и корыстолюбие, то население начинает враждебно относиться и к ним, и к тому государственному строю, который дает им такие возможности»⁷. По мнению Аристотеля перевороты и возмущения могут быть проявлены в разных формах политического устройства, вызывающих презрение к строю со стороны определённых социальных групп и классов. «Презрение ведет за собой распри и возмущения; это случается, например, в олигархии, где большая часть граждан не участвует в управлении государством, хотя и сознает свою силу. Да и в демократиях беспорядочность и анархичность государственного строя вызывают презрение к нему со стороны состоятельных людей»⁸, – отмечает древнегреческий философ.

Вероятность низложения правителя в случае презрительного отношения к нему отмечается и Н.Макиавелли (1469-1527), предупреждавшего государя о необходимости поддержания дружбы с народом, «иначе в трудное время он будет свергнут»⁹. С точки зрения итальянского политического философа, «государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа»¹⁰. Приведённые высказывания Н. Макиавелли подтверждают, что политическая практика различных государств могла включать в себя периодические «невынужденные» смены власти, реализующие право на бунт тех или иных политических акторов. Н. Макиавелли не рассуждает о справедливости покушения на власть в данном случае и о моральной стороне дела.

Безусловно, дистанцирование от осмысления этической стороны покушения на власть не могло быть нормой дискурса политической философии. В частно-

сти, рассуждения о справедливости претензий на смену власти «снизу» можно встретить у голландского мыслителя Гуго Гроция де Гроота (1583-1645). Мыслитель задаётся вопросом справедливости права «частным или должностным лицам восставать против тех органов верховной и подчинённой власти, которым они сами подчинены?»¹¹. Интересно, что Гуго Гроций прекрасно осознавал, как культурные различия могут корректировать право на бунт в зависимости от политического дискурса. Это хорошо заметно в мысли Гуго Гроция о том, что «государство *может* наложить запрет на это всеобщее право сопротивления ради сохранения общественного мира и государственного порядка»¹². Несмотря на то, что Гуго Гроций отмечается выгодным для дискурса власти сравнением терпения народа с терпением Христа, при этом он допускает оговорку: «если государи состоят в подчинении у народа, – либо с самого начала получившие власть от него, либо ставшие к нему в подчинение впоследствии... в случае нарушения ими закона... им не только возможно противиться силой, но при необходимости наказывать и смертью»¹³.

Идея о сопротивлении власти, а также и о праве на сопротивление постепенно становится частью политико-философского дискурса. Диалектический характер власти и сопротивления присутствует и в рассуждениях о государстве Жана Бодена (1529-1596), отмечавшего, что дух решительных людей становится тем упорнее, чем больше с ним борются, а не встречая сопротивления, уступает. Кроме того, нет ничего более опасного для государя, чем попытка пустить в ход против своих подданных силу, когда нет уверенности в том, что это приведет к цели»¹⁴.

Дуализм власти и сопротивления спустя 4 столетия будет рассматриваться и М.Фуко, видевшим в сопротивлении такую же данность, равно, как и в самой власти. По мнению М.Фуко «никакая власть не способна сделать его полностью невозможным»¹⁵. Сопротивление, по мнению М.Фуко, имеет свойство тесно связываться с самой властью.

⁶ Там же. С. 530.

⁷ Там же. С. 530.

⁸ Там же. С. 531.

⁹ Необходимо отметить, что Н. Макиавелли, скорее, не имел ввиду классическое свержение власти «снизу», а низложение правителя посредством заговора против него со стороны влиятельных инстанций власти. В частности, таких, как магистрат. *Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия.* – М.: Транзиткнига, 2006. – С. 34.

¹⁰ *Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия.* – М.: Транзиткнига, 2006. – С. 57.

¹¹ *Гроций Г. О праве войны и мира.* – М.: Ладомир, 1994. – С. 158.

¹² Там же. С. 159.

¹³ *Гроций Г. О праве войны и мира.* – М.: Ладомир, 1994. – С. 171.

¹⁴ *Боден Ж. Шесть книг о государстве.* – Антология мировой философии в четырех томах. Том 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. Редактор-составитель второго тома и автор вступительной статьи В.В.Соколов. Серия «Философское наследие». Академия наук СССР. Институт философии. – М.: Изд-во социально-экономической литературы «Мысль», 1970. – С. 146 – 147.

¹⁵ *Фуко М. Восставать бесполезно? (пер. с фр. В. Акуловой и Д. Потёмкина) // Неприкосновенный запас. 2011. № 5 (79).* – С. 16.

Политический процесс можно представлять как постоянный поиск оптимального баланса между властью и сопротивлением. Сопротивление, нарастающее в результате давления на общественное тело, вытесняясь из публичного пространства, находит себя в различных формах, принадлежащих непубличному, неофициальному. На словах, на уровне деклараций, власть как бы и может рапортовать об успехах собственной борьбы с оппозицией, но, на самом деле, происходит активизация «партизанского» сопротивления. В частности, вытеснение бунта из официального пространства, уже рассматривавшегося нами как способность говорить, может объективировать протестное политическое письмо. В условиях ужесточения репрессий появляется всё больше и больше поверхностей, захватывающихся протестным политическим письмом. Излишняя жестокость оккупационного режима вполне логично вызывает к жизни практики периодического сопротивления ей – сопротивления партизанского, носящего, по словам немецкого политического философа К.Шмитта, «иррегулярный характер».

Сопротивление партизана – оккупанту носит рваный характер. Оккупант не узнаёт своего замаскированного врага в повседневной жизни, где они часто пересекаются и решают одни и те же задачи по удовлетворению своих потребностей. Партизан же, узнаёт врага по униформе. «Партизан сражается иррегулярным образом»¹⁶, отмечает К.Шмитт.

Ещё острее тема общественной свободы, выражающейся в праве на бунт, стала проявляться в период Просвещения, наделявшего индивида высокими кондициями в способности определения собственного места и роли в политической картине мира, несмотря на существующую репрессивную данность.

«Человек рождён свободным, а между тем повсюду он в оковах»¹⁷, – восклицает Ж.Ж.Руссо в тексте известного «Общественного договора». В каком-то смысле это и предполагает, что человек должен стараться восстановить справедливость и добиться от власти определённой сатисфакции. Мысль французского философа достаточно симптоматична, хотя, в то или иной степени, её могли проводить до него и некоторые философы Нового времени (Б.Спиноза, Т.Гоббс, Д.Локк и др.). Идея скрепления отношений монарха и общества особым договором становится едва ли не генеральной

линией европейского правового дискурса. Заключение специфического контракта между обществом властью станет получит развитие и в текстах американских моралистов, многие из которых станут известны нам уже в качестве президентов США.

Власть становится всё более гибкой и эластичной, приобретая навык предвосхищения общественного недовольства. Общественное недовольство пытаются предугадать и скрепить какой-либо формой. В частности, появление в конституциях государств положений и норм, предусматривающих возможность реализации данного права, а также законодательное оформление выражения несогласия, и чёткое прописывание процедуры, во многом свидетельствует о том, что политическая практика сопротивления была довольно активной и заметной, иначе, вряд ли бы ей предстояла столь тщательная фиксация правом. Тогда бы сопротивление просто могло бы разрушить всю политическую систему, втянув её в состояние постоянной, бессмысленной войны из-за каких-то принципов непоколебимости.

Импичмент, вотум недоверия правительству, право на референдум, право на оппозицию – все эти меры и формы лишней раз подтверждают существование в европейской (западной) практике целого института сопротивления, подвергающегося постоянному мониторингу и концептуализации.

Вообще, с нашей точки зрения, популярность права на бунт нарастает по горизонтальной оси – с Востока на Запад, и по вертикальной – с Юга на Север. Довольно серьёзным подтверждением справедливости подобного определения нарастания демократии может служить американский опыт. Как иронично выскажется по этому поводу французский исследователь Ц.Тодоров, «в одной из британской колонии группа людей делает из этих рассуждений соответствующие выводы и провозгласит своё право самим свободно выбирать правительство: так родилась первая современная республика»¹⁸.

Достаточно показательна в этом смысле фигура из текста письма Т.Джефферсона – Дж.Мэдисону (1787). Третий американский президент, загадочно смотрящий на нас с двухдолларовой купюры, на оборотной стороне которой изображён исторический момент принятия Декларации независимости США (репродукция картины Д.Трамбулла), пишет:

«Я придерживаюсь той точки зрения, что небольшие мятежи, случающиеся время от времени, – вещь

¹⁶ Шмитт К. Теория партизана (пер. с нем. Ю.Ю. Коринца). – М.: Практик, 2007. – С. 11.

¹⁷ Философия. Хрестоматия / Сост. Проф. П.С.Гуревич. – М.: Гардарики, 2002. – С. 224.

¹⁸ Цветан Тодоров, здесь, рассуждает о том, какое значение могли иметь идеи Просвещения. Данный пример показывает американскую рецепцию. Тодоров Ц. Дух Просвещения. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – С. 34.

хорошая, они столь же необходимы в политическом мире, как бури в мире физическом. Безуспешные мятежи, конечно, обычно провоцируют покушения (со стороны власти) на права мятежного народа. Понимание истинной пользы восстаний должно побуждать честных правителей республики быть настолько умеренными в наказаниях за мятежи, чтобы чрезмерно не обескуражить их будущих участников. Восстания, как лекарства, необходимы для того, чтобы правительства были здоровыми и разумными».

Фигура из письма Т.Джефферсона, безусловно, говорит об умонастроениях просвещённых американцев – моралистов, большое значение придававшим идеям свободы, этического выбора человека, вынужденного быть «схваченным» государственной и политической машиной. В таком случае, человек мог выбирать либо подчинение, либо бунт, за которым следовало приведение непопулярной власти в чувство.

Вполне симптоматично, что тезис Т.Джефферсона рефлексировал с одним из положений «Декларации независимости», предполагающим, что народ имеет право свержения непопулярной, деспотической власти, приносящей ему страдания, насилие, склонной к злоупотреблению данным ей правом.

Разве не является показательным данное положение из американской «Декларации независимости»? Есть довольно важный для нас текст: «В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечить людям безопасность и счастье»¹⁹.

Как мы видим, тем самым, в американском правовом дискурсе, важной основой которого как раз и является «Декларация независимости» был установлен некий «коридор» для протеста, для выплеска протестной энергии. Можно представить, как это воспитывает субъекта в интересующем нас контексте, как придаёт ему ощущение силы и правоты в контроле над политическими институтами. Необходимость признания любого представителя власти равным себе – важная преамбула всей гражданской истории конкретного субъекта. Вместе с этим, данные тексты фактически признают за человеком право на сопротивление, которым он мог с той или иной эффективностью пользоваться, творя как национальную, так и мировую историю.

¹⁹ См.: Жидков О.А., Лафитский В.И. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. – М.: Прогресс, Универс, 1993.

Американский исследователь Ч.Тилли отмечает, что «история государств Запада с 1800 года является историей насилия. В данный период отмечалось достаточно переворотов и гражданских войн, а также других, не менее серьёзных конфликтов, пусть даже и меньшего масштаба»²⁰. Как мы увидим, и XIX век, и XX век не могут быть определены, как эпохи умиротворения, как эпохи осознания человеком гуманитарных ценностей в качестве фундаментальных констант. Начало XXI века также ознаменовано манифестированным желанием человека сатисфакции. Как мы видим, бунтующему человеку всегда есть, что терять. Правда, в большинстве случаев, капиталом бунтующего человека являются его цепи.

Безусловно, артикулированная субъектность в человеке есть не что иное, как выражение своих прав, зафиксированных в определённых контрактах с государством. Как мы видим, в большей степени необходимость подобного выражения ради удовлетворения исключительно личных экспектаций или поиска справедливости, в большей степени характерно для западных обществ, значительно опережавших восточные общества в гражданском вызревании²¹. Нарастание демократии на Запад означает её регресс применительно к восточным системам, традиционно испытывающим проблемы с гражданской просвещённостью общества.

В этом смысле, периодические вызовы со стороны политической реальности лишний раз напоминают политическим системам и правящим элитам о том, какой вектор развития выбран ими в качестве оптимального. Действительно, насколько необходимость постоянной актуализации в человеке его гражданских кондиций кажется оптимальной в условиях эпохи постмодернити, где высокая скорость политических процессов, появление симулякров – неудачных, «мёртвых» копий при забытых, утраченных оригиналах вещей и явлений, и отсутствие адекватных героических и символических иконостасов могут сыграть злую шутку с сознанием человека, расщепив его, дезориентировав и запутав окончательно.

Должно ли государство быть охранителем ценностей свободы? Но в таком случае, у общества может наступить ощущение пресыщения, ощущение неспособности воспринимать эту свободу. Может показаться, что общество лишено в подобном состоянии развития,

²⁰ Tilly C. Collective Violence in European Perspective. – University of Michigan, 1978. – P. 4.

²¹ Об экспектациях бунтующего человека и о фактическом положении дел, в котором бунтующий человек находится, очень подробно рассуждал американский исследователь Т.Гарр в работе «Почему люди бунтуют?». См.: Гарр Т. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.

что летаргическое единообразие и монотонность вредны для общественного развития и прогресса, неплохим катализатором которого может явиться некий кризис, мобилизация. Другое дело, когда ценности свободы могут быть моментально реанимированы в момент, когда человек столкнётся с откровенным произволом, вызывающим в нём истерический культурный шок.

Либо, наоборот. Государство, действующее репрессивно, и постоянно ограничивающее свободы индивидов, приучив их к определенному формату, к определенной «национальной» версии свободы, может испугать людей внезапным экспериментом, «даровав» им определенную свободу. Тогда такая свобода тяжким бременем повиснет на индивиде, привыкшем к выживанию в условиях ограничений и барьеров.

Свобода предполагает, что некогда подневольный человек постепенно расстаётся со своей печальной, трагической памятью, состоящей из репрессии и подчинения господину, хозяину, тирану. У И.Бродского в одном из стихотворений есть строки – камертон нашим рассуждениям: «Свобода – это когда забываешь отчество у тирана».

Но всё-таки можно ли говорить о том, что право на выражение протеста совершенствуется, что протест приобретает новые возможности и шансы в демократизирующихся политических системах?

Опыт каждого отдельного государства в данном контексте представляется уникальным, отображая, прежде всего готовность самой правящей элиты поделить властью с оппозицией, сумевшей мобилизовать протестные настроения. Либо опыт отдельно взятых политических систем, в первую очередь, учитывает кондиции гражданского общества, постоянно «напрягающего» правящую элиту, ставящего перед ней трудновыполнимые задачи.

Трудновыполнимая задача может быть решена только в сказке. Когда за одну ночь молчаливые, трудолюбивые молодцы помогают герою выкорчевать лес, разбить сад, навести мосты и построить замок на труднодоступной скале.

Вместе с тем, не каждое государство склонно представлять обществу широкий коридор для реализации протестных настроений даже время от времени. Такие политические системы предпочитают управлять посредством подавления и репрессии, блокируя свободное творчество гражданского общества и подменяя его симулякрами, порождаемыми «сверху», выдаваемыми за искреннее политическое участие «снизу». Как правило, сами ограничения объясняются изначально высокими патермальными ориентациями общества,

подданической политической культурой, не располагающей к выпестовыванию внутри системы сильных и ярких партиципантов.

Отсюда, представляется довольно очевидным, что у каждой политической системы есть собственный уникальный опыт взаимодействия с обществом. Частота и качество запросов по поводу расширения прав самой системе – есть отношение между экзистенциальным человеком Ж.П.Сартра, персонализирующего «сделанное бытие» климатом и почвой, расой и классом, языком, историей общности²² и «бунтующим человеком» А.Камю, говорящим однажды «нет» существующему порядку вещей, бросающему вызов целому миру!

Установления человека, наговариваемые самому себе, типа «я не свободен» ни избежать судьбы своего класса, своей нации, своей семьи, ни даже основать свою власть или удачу, ни победить свои даже самые незначительные желания и привычки²³ в историческом и политическом процессе постоянно сочетаются с мощными актами восстания человека против существующих «правил игры». Протест проникает сквозь толщину времени и репрессии, он просачивается сквозь стенки несвободы, он пробивает любые преграды, свидетельствуя о неизбежности сопротивления, об онтологическом характере любого устремления власти.

Наиболее подверженными этому являются системы находящиеся в транзитивном состоянии, демократический процесс в которых начинает приобретать авторитарный дрейф.

Любопытно, как в ряде государств, находящихся в состоянии постсоветского транзита, законодательство в интересах власти ограничивает право общества выражать протест. Примером может послужить Законодательство РФ, определённым образом ограничившее право на протест после акций гражданского неповиновения 2011 – 2012 года, активизировавшихся не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в российской провинции²⁴. И даже после этого, «протестный социум в России и существует и жаждет выхода протестной энергии, её артикуляции на непопулярные политические сюжеты и объекты»²⁵.

²² Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии (пер. с фр. В.И. Колядко). – М.: Республика, 2004. – С. 491.

²³ Там же. С. 490.

²⁴ Скиперских А.В. Вызовы провинциального протеста. // Свободная мысль. – № 12. – 2011. – С. 45.

²⁵ Скиперских А.В. Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области). // Теория и практика политических исследований. – № 2-3. – 2012. – С. 58-59.

Власть понимает, что скорректированное законодательство может существенно уменьшить количество потенциальных протестующих. Стремящихся митинговать людей с каждым новым изменением Законодательства РФ становится всё меньше и меньше. На коллективный, массовый протест наложены серьёзные ограничения. В этом смысле показательно, как зачищаются даже одиночные пикеты, вроде бы пока разрешённые Законодательством РФ. Тема свободы, манифестирующая в одиночных актах, становится удивительным раздражителем для российской власти. Безусловно, такой жёсткой рефлексии со стороны репрессивных институтов не могло бы быть, не будь проблема российско-украинских отношений такой неудобной в России.

В январе 2014 года правящая элита Украины попыталась предупредить киевский «Евромайдан» принятием Верховной Радой ряда законов, увеличивающих ответственность за блокировку городских присутственных зданий, за неповиновение сотрудникам полиции и т.д. Эти законы получили название законов «16 января». Сам факт создания и функционирования параллельного общества в центре Киева, не подчиняющегося официальной власти, существенно подорвал легитимность В.Януковича. Данное поспешное законотворчество, нашедшее отражение в целом пакете законов, принимавшихся в Верховной Раде Украины с помощью простого

поднятия рук, вызвало негодование и возмущение, по своему размаху превосходившее столкновения между сторонниками Евроинтеграции и силами правопорядка. Последствия подобных процессов в Украине оказались катастрофическими по своим масштабам.

Данные примеры показывают, что власть в любом случае не может быть согласна с тем, что у общества существует право на выражение несогласия, которое в креативном, информационном мире каждый день находит всё новые и новые трещины в самой системе и делегитимирует правящий режим. В этой связи, логичным решением правящего режима может быть устранение возможностей для протестной активности. Наоборот, чем слабее политический режим, тем сильнее возможности улицы вмешиваться в его дальнейшую судьбу. Политический процесс, рассматривающийся как постоянное взаимодействие политических акторов по поводу власти, просто обязан пониматься внимательным исследованием ещё и в контексте постоянного совершенствования законодательства, оптимизации «правил игры», создающих правовые основания для протестной активности.

Таким образом, формирование особой предрасположенности к бунту, его технологии и эстетике целиком и полностью связывается с дефиницией политического режима, в свою очередь, определяющего и правовой дискурс «бунтующего человека».

Библиография:

1. Аристотель. Сочинения: В 4 т. (пер. С.А. Жебелева)-Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
2. Боден Ж. Шесть книг о государстве. – Антология мировой философии в четырех томах. Том 2. – Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. Редактор-составитель второго тома и автор вступительной статьи В.В.Соколов. Серия «Философское наследие». Академия наук СССР. Институт философии. – М.: Изд-во социально-экономической литературы «Мысль», 1970. – С. 141 – 147.
3. Гарр Т. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
4. Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
5. Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
6. Жидков О.А., Лафитский В.И. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 769 с.
7. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. Пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
8. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. – М.: Транзиткнига, 2006. – 461 с.
9. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии (пер. с фр. В.И. Колядко). – М.: Республика, 2004. – 639 с.
10. Скиперских А.В. Вызовы провинциального протеста. // Свободная мысль. – № 12. – 2011. – С. 45-50.
11. Скиперских А.В. Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области). // Теория и практика политических исследований. – № 2-3. – 2012. – С. 58 – 69.
12. Тодоров Ц. Дух Просвещения. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – 120 с.
13. Философия. Хрестоматия / Сост. Проф. П.С.Гуревич. – М.: Гардарики, 2002. – 453 с.
14. Фуко М. Восставать бесполезно? (пер. с фр. В. Акуловой и Д. Потёмкина) // Неприкосновенный запас. 2011. № 5 (79). – С. 16-20.
15. Шмитт К. Теория партизана (пер. с нем. Ю.Ю. Коринца). – М.: Праксис, 2007. – 301 с.
16. Tilly C. Collective Violence in European Perspective. – University of Michigan, 1978. – 70 p.
17. Скиперских А.В. Homo Politicus: между бунтом и подчинением // Политика и Общество. – 2014. – 6. – С. 682-688. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.6.12285.

18. Гуревич П.С.. Зло против добра // *Философия и культура*. – 2013. – № 12. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.10162
19. Пархоменко Р.Н., Ю. Хабермас о современной демократии // *Психология и Психотехника*. – 2013. – № 12. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.12.9516
20. И.В. Егорова. Ханна Арндт о массовой культуре // *Педагогика и просвещение*. – 2013. – № 2. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2306-434X.2013.2.9596
21. Пархоменко Р.Н., Дискуссии о либерализме в современной России // *Политика и Общество*. – 2013. – № 8. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.9067
22. Барташевич С.В., Категория свободы в налоговых правоотношениях: философские предпосылки решения проблемы // *Политика и Общество*. – 2013. – № 8. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.4780
23. Р.Н. Пархоменко. Свобода как философия богочеловечества (Н. Бердяев) // *Психология и Психотехника*. – 2013. – № 7. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.7.8106
24. Рубаник С.А., Эрих Фромм о государственно-правовом развитии в современном глобализируемом мире // *Политика и Общество*. – 2013. – № 6. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.6.5993
25. Р.Н. Пархоменко, Ю. Хабермас о понятии идеи свободы // *Политика и Общество*. – 2013. – № 5. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.05.13
26. Р.Н. Пархоменко. Понятие идеи свободы в античной и средневековой философии // *Философия и культура*. – 2013. – № 5. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.05.12
27. Н.В. Тищенко. Свобода и несвобода в пространстве литературных текстов: дискурс-анализ произведений, посвященных ГУЛАГу // *Философия и культура*. – 2013. – № 4. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.04.8
28. Э.М. Спирина. Феномен духа в философской антропологии // *Психология и Психотехника*. – 2013. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.01.4
29. Т.А. Горелова. Модернизация или общественный прогресс // *Философия и культура*. – 2013. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.01.6
30. А.В. Никандров. Норберто Боббио о политике и культуре: независимость интеллектуалов и автономия культуры // *Политика и Общество*. – 2012. – № 12. – С. 104-107.
31. Р.Н. Пархоменко. Либерализм в России: обзор научной литературы // *Педагогика и просвещение*. – 2012. – № 4. – С. 104-107.
32. Алейников А.В. Системные конфликты в России: концептуальные основания анализа. Статья 1. // *NB: Проблемы общества и политики*. – 2013. – 7. – С. 94 – 140. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html

References (transliterated):

1. Aristotel'. Sochineniya: V 4 t. (per. S.A. Zhebeleva)-T. 4. – М.: Mysl', 1983. – 830 s.
2. Boden Zh. Shest' knig o gosudarstve. – Antologiya mirovoi filosofii v chetyrekh tomakh. Tom 2. – Evropeiskaya filosofiya ot epokhi Vozrozhdeniya po epokhu Prosveshcheniya. Redaktor-sostavitel' vtorogo toma i avtor vstupitel'noi stat'i V.V.Sokolov. Seriya «Filosofskoe nasledie». Akademiya nauk SSSR. Institut filosofii. – М.: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury «Mysl'», 1970. – S. 141 – 147.
3. Garr T. Pochemu lyudi buntuyut. – SPb.: Piter, 2005. – 461 s.
4. Gegel' G. Filosofiya prava. – М.: Mysl', 1990. – 524 s.
5. Grotsii G. O prave voyny i mira. – М.: Ladomir, 1994. – 868 s.
6. Zhidkov O.A., Lafitskii V.I. Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'stvo. – М.: Progress, Univers, 1993. – 769 s.
7. Kamyu A. Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskustvo. Per. s fr. – М.: Politizdat, 1990. – 415 s.
8. Makiavelli N. Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoi deкаде Tita Liviya. – М.: Tranzitkniga, 2006. – 461 s.
9. Sartr Zh.P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii (per. s fr. V.I. Kolyadko). – М.: Respublika, 2004. – 639 s.
10. Skiperskikh A.V. Vyzovy provintsial'nogo protesta. // *Svobodnaya mysl'*. – № 12. – 2011. – S. 45-50.
11. Skiperskikh A.V. Spetsifika provintsial'nogo politicheskogo protesta v sovremennoi Rossii (na primere goroda El'tsa Lipetskoi oblasti). // *Teoriya i praktika politicheskikh issledovaniy*. – № 2-3. – 2012. – S. 58 – 69.
12. Todorov Ts. Dukh Prosveshcheniya. – М.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2010. – 120 s.
13. Fuko M. Vosstavat' bespolezno? (per. s fr. V. Akulovoi i D. Potemkina) // *Neprikosnovennyi zapas*. 2011. № 5 (79). – S. 16-20.
14. Shmitt K. Teoriya partizana (per. s nem. Yu.Yu. Korintsy). – М.: Praksis, 2007. – 301 s.
15. Tilly C. Collective Violence in European Perspective. – University of Michigan, 1978. – 70 p.
16. Skiperskikh A.V. Homo Politicus: mezhdubuntom i podchineniem // *Politika i Obshchestvo*. – 2014. – 6. – С. 682-688. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.6.12285.
17. Gurevich P.S.. Zlo protiv dobra // *Filosofiya i kul'tura*. – 2013. – № 12. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.10162
18. Parkhomenko R.N., Yu. Khabermas o sovremennoi demokratii // *Psikhologiya i Psikhotehnika*. – 2013. – № 12. – S. 104-107. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.12.9516
19. I.V. Egorova. Khanna Arendt o massovoi kul'ture // *Pedagogika i prosveshchenie*. – 2013. – № 2. – S. 104-107. DOI: 10.7256/2306-434X.2013.2.9596
20. Parkhomenko R.N., Diskussii o liberalizme v sovremennoi Rossii // *Politika i Obshchestvo*. – 2013. – № 8. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.9067

21. Bartashevich S.V. Kategoriya svobody v nalogovykh pravootnosheniyakh: filosofskie predposylki resheniya problemy // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 8. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.4780
22. R.N. Parkhomenko. Svoboda kak filosofiya bogochelovechestva (N. Berdyaev) // Psikhologiya i Psikhotehnika. – 2013. – № 7. – S. 104-107. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.7.8106
23. Rubanik S.A.. Erikh Fromm o gosudarstvenno-pravovom razvitii v sovremennom globaliziruemom mire // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 6. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.6.5993
24. R.N. Parkhomenko. Yu. Khabermas o ponyatii idei svobody // Politika i Obshchestvo. – 2013. – № 5. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.05.13
25. R.N. Parkhomenko. Ponyatie idei svobody v antichnoi i srednevekovoii filosofii // Filosofiya i kul'tura. – 2013. – № 5. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.05.12
26. N.V. Tishchenko. Svoboda i nesvoboda v prostranstve literaturnykh tekstov: diskurs-analiz proizvedenii, posvyashchennykh GULAGu // Filosofiya i kul'tura. – 2013. – № 4. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.04.8
27. E.M. Spirova. Fenomen dukha v filosofskoi antropologii // Psikhologiya i Psikhotehnika. – 2013. – № 1. – S. 104-107. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.01.4
28. T.A. Gorelova. Modernizatsiya ili obshchestvennyi progres // Filosofiya i kul'tura. – 2013. – № 1. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.01.6
29. A.V. Nikandrov. Norberto Bobbio o politike i kul'ture: nezavisimost' intellektualov i avtonomiya kul'tury // Politika i Obshchestvo. – 2012. – № 12. – S. 104-107.
30. R.N. Parkhomenko. Liberalizm v rossii: obzor nauchnoi literatury // Pedagogika i prosveshchenie. – 2012. – № 4. – S. 104-1
31. Aleinikov A.V. Sistemnye konflikty v Rossii: kontseptual'nye osnovaniya analiza. Stat'ya 1. // NB: Problemy obshchestva i politiki. – 2013. – 7. – С. 94 – 140. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html